

красов просил Федора Михайловича о дальнейшем сотрудничестве и Федор Михайлович обещал написать небольшую повесть, в 3—4 печатных листа, причем получил от 12-го июня 1876 г. тысячу рублей». После смерти Некрасова Салтыков напоминал Достоевскому о повести, и тот обещал ее написать, указала Анна Григорьевна. «Никаких напоминаний или требований о возврате 1000 руб. деньгами, а не повестью Федор Михайлович от редакции не получал, — подчеркивала она, — а если бы получил, то непременно уплатил бы тотчас же, как бы это ни было ему трудно, он постоянно думал, что у него найдутся, между его большими работами, два-три свободных месяца, и он напишет повесть для „Отечественных записок“. К несчастью, ему не пришлось исполнить своего намерения». И наконец, вдова писателя сообщила, что возвратила долг своего мужа, связавшись через В. И. Гаевского с редакцией «Отечественных записок», о чем имеет расписку А. А. Краевского от 11 мая 1884 г.

Приведенные материалы, во-первых, полностью подтверждают тот факт, что Достоевский собирался сотрудничать с «Отечественными записками» после опубликования там «Подростка», а во-вторых, указывают на некоторые детали в истории и характере взаимоотношений Достоевского как с Некрасовым, так и с Салтыковым-Щедриным.

Б. Н. ЛЮБИМОВ

ЕЩЕ РАЗ ОБ ОДНОМ ИСТОЧНИКЕ «БРАТЬЕВ КАРАМАЗОВЫХ»

В журнале «Русская литература» была опубликована содержательная заметка В. Н. Криволапова «Об одном источнике „Братьев Карамазовых“». ¹ Автор верно указал на книгу «Жизнеописание оптинского старца Леонида (в схиме Льва)» (Изд. Козельской Введенской-Оптиной пустыни. М., 1876), названную в свое время Л. П. Гроссманом в числе книг из библиотеки Достоевского, ² как на источник некоторых сюжетных и идейных мотивов «Братьев Карамазовых». Наблюдения В. Н. Криволапова можно было бы дополнить. В главе «Старцы» (часть первая, книга первая, глава V) повествователь, сожалея, что чувствует себя «не довольно компетентным и твердым» в вопросе о «старчестве», излагает суть дела «малыми словами и в поверхностном изложении»: «... старцы и старчество появились у нас, по нашим русским монастырям, весьма лишь недавно, даже нет и ста лет, тогда как на всем православном Востоке, особенно на Синае и на Афоне, существуют далеко уже за тысячу лет. Утверждают, что существовало старчество и у нас на Руси во времена древнейшие или непременно должно было существовать, но вследствие бед-

¹ Рус. лит., 1985, № 2, с. 177—179.

² Гроссман Л. Библиотека Достоевского. Одесса, 1919, с. 154.

ствий России, татарщины, смут, перерыва прежних сношений с Востоком после покорения Константинополя установление это забылось у нас и старцы пресеклись. Возрождено же оно у нас опять с конца прошлого столетия одним из великих подвижников (как называют его) Паисием Величковским и учениками его, но и доселе, даже через сто почти лет, существует весьма еще не во многих монастырях и даже подвергалось иногда почти что гонениям, как неслыханное по России новшество» (14, 26). А вот как об этом рассказывается в указанном издании: «Старчество процветало в древних Египетских и Палестинских киновиях, впоследствии насажено на Афоне, а с востока перенесено в Россию. Но в последние века, при всеобщем упадке веры и подвижничества, оно понемногу стало приходить в забвение, так что многие даже начали отвергать его. Уже во времена Нила Сорского старческий путь многим был ненавистен, а в конце прошедшего столетия и почти совсем стал ненавистен. К восстановлению в России этого, основанного на учении св. отцов, образа монашеского жития много содействовал знаменитый и великий старец архимандрит молдавских монастырей Паисий Величковский».

Думается, что «малые слова» повествователя «Братьев Карамазовых» являются пересказом составленной «специальными и компетентными людьми» книги «Жизнеописание оптинского старца Леонида».

Изложение особенностей старчества тоже является своеобразным конспектом указаний книги.³

Показательны и следующие совпадения. В качестве примеров «неразрушимой связи» между старцем и его духовным сыном Достоевский приводит два примера. И в указанном источнике романа тоже упоминаются два случая, поражающие «несхожим подобием» с романом Достоевского. Ср.:

«Пр. Феодор Студит пишет: один старец не раз приказывал ученику своему исполнить некоторое дело, но тот все отлагал. Недовольный сим старец в негодовании наложил на ученика запрещение, не вкушать хлеба, пока не исполнит порученного дела. Когда ученик пошел, чтобы исполнить повеленное, старец умер. После его смерти ученик желал получить разрешение от наложенного на него запрещения. Но не нашлось никого в пустынной местности, кто бы решился разрешить это недоумение. Наконец ученик обратился с своею просьбою к константинопольскому патриарху Герману, который для рассмотрения этого дела собрал других архиереев.

«...один из наших современных иноков спасался на Афоне, и вдруг старец его повелел ему оставить Афон, который он излюбил как святыню, как тихое пристанище, до глубины души своей, и идти сначала в Иерусалим на поклонение святым местам, а потом обратно в Россию, на север, в Сибирь: „Там тебе место, а не здесь“. Пораженный и убитый горем монах явился в Константинополь ко вселенскому патриарху и молил разрешить его послушание, и вот вселенский владыка ответил ему, что не только он, патриарх вселенский, не может разрешить его, но и на всей земле нет, да и не может быть такой власти, которая бы мог-

³ См.: Жизнеописание оптинского старца Леонида..., с. 29—35.

Но ни патриарх, ни собравшийся собор не пашли возможным разрешить епитимию старца, о котором даже неизвестно, имел ли он степень священства. Посему ученик до смерти принужден был питаться пищею из одних овощей».⁴

«В Прологе 15-го октября повествуется: В ските жил монах, который в продолжении многих лет был послушлив своему отцу; наконец по зависти бесовский отпал он послушания, и без всякой благословной причины ушел от старца, презрев и запрещение; ибо он имел от старца запрещение за непослушание. Пришедши в Александрию, он был схвачен и принужден тамошним князем отречься Христа, но остался непоколебим в твердом исповедании веры и за это был мучен и предан смерти. Христиане того града взяли тело нового мученика, положили в раку и поставили оную в святом храме. Но в каждую литургию, когда диакон возглашал: елицы оглашении изыдите, рака с телом мученика, к удивлению всех, невидимою силою выносилась на паперть, а по окончании литургии сама собою поставлялась опять в храме. Один александрийский вельможа молился о разрешении этого недоумения; и ему открыто было в видении, что замученный монах был ученик такого-то старца, и за непослушание был связан от него; как мученик, он получил венец мученический, а как связанный запрещением старца, не может оставаться при совершении божественной службы, пока связавший не разрешит его. Тогда же отыскал был старец, который пришел в Александрию и разрешил связанного от запрещения. С того времени рака уже никогда не трогалась с своего места».⁵

ла разрешить его от послушания, раз уже наложенного старцем, кроме лишь власти самого того старца, который паложил его» (14, 27).

«Рассказывают, например, что однажды, в древнейшие времена христианства, один таковой послушник, не исполнив некоего послушания, возложенного на него старцем, ушел от него из монастыря и пришел в другую страну, из Сирии в Египет. Там после долгих и великих подвигов сподобился наконец претерпеть истязания и мученическую смерть за веру. Когда же церковь хоронила тело его, уже чтя его как святого, то вдруг при возгласе диакона: „Оглашенные, изыдите!“ — гроб с лежащим в нем телом мученика сорвался с места и был извергнут из храма, и так до трех раз. И наконец лишь узнали, что этот святой страсотерпец нарушил послушание и ушел от своего старца, а потому без разрешения старца не мог быть и прощен, даже несмотря на свои великие подвиги. Но когда призванный старец разрешил его от послушания, тогда лишь могло совершиться и погребение его. Конечно, всё это лишь древняя легенда» (14, 27).

Приведенные факты еще раз подтверждают вывод В. Н. Криволапова относительно книги «Жизнеописание оптинского старца Леонида» как об одном из источников «Братьев Карамазовых», лишней раз подчеркивают многообразие источников творчества Достоевского, своеобразие усвоения им любого жизненного, книж-

⁴ Там же, с. 32—33.

⁵ Там же, с. 33—34.

ного, идейного мотива и напоминают о необходимости дальнейшей разработки темы «Поздний Достоевский и „старчество“».

Наконец, существует и еще один биографический вопрос: не послужила ли указанная книга толчком к известной поездке Достоевского и Вл. Соловьева в Оптину пустынь в 1878 г., т. е. спустя два года после издания книги, не она ли пробудила специфический интерес Достоевского именно к «старчеству»?

Г. Ф. КОГАН

ИЗ ИСТОРИИ МОСКОВСКОГО МУЗЕЯ ДОСТОЕВСКОГО¹

Музей-квартира Ф. М. Достоевского в Москве, созданный в 1928 г., долгие годы оставался не только первым, но и единственным музеем памяти великого писателя. Ныне, с 1971 г., уже во всех городах нашей страны, куда забрасывала Достоевского судьба, есть его музеи: и в городах Сибири — в Семипалатинске, Омске и Кузнецке, где прошли годы его изгнания, и в старинном городе Старая Русса, где он жил в последние годы своей жизни, и в Ленинграде, в доме, где он скончался, и даже в Оптиной пустыни близ Козельска, где он провел всего два дня. Маленькие музеи Достоевского созданы и в селе Даровом, близ Зарайска, где он бывал в детские годы, и в селе Достоево, откуда пошел род Достоевских. Московский музей во все годы своей работы не оставлял без внимания все эти города, беспокоясь о состоянии мест, связанных с Достоевским. Так, в 1946 г. он запрашивал Старорусский горсовет о сохранности дома Достоевского после войны. Совместно с общественностью Старой Руссы нами были приняты поиски материалов, находившихся в доме писателя и утраченных при оккупации города фашистами, начаты хлопоты по организации музея. В 1965 г. после поездки по городам Сибири музей обратился на страницах «Литературной газеты» с письмом (подписанным К. А. Фединым, Л. М. Леоновым, В. Г. Лидиным, В. Я. Кирпотинным, М. Никитиным), призывающим общественность сохранить в Семипалатинске, в Кузнецке дома, в которых жил Достоевский, и создать в них музеи. Решение Семипалатинского горсовета об освобождении дома Достоевского для музея последовало в том же году.

В истории музейного дела известно правило о сохранении коллекций, но московский музей нарушил эту традицию ради памяти Достоевского, передав ленинградскому многие подлинные материалы из части коллекции А. Г. Достоевской, имеющие прямое отношение к дому в Кузнечном переулке.

До открытия музея в Старой Руссе в библиотеке города на курорте были организованы выставки, посвященные писателю, а

¹ Продолжение. Начало см. в кн.: Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1984, т. 6. — Воспоминания В. С. Нечаевой.